

*К 65-летию Победы
в Великой Отечественной войне*

Рязань
Издатель Ситников
2009

A.K. Magaev

Анатолий Говоров

**Война и мир
Николая Чадаева**

**документальная
повесть**

ББК 84

Г57

Говоров, А.Ф.

Г57 Война и мир Николая Чадаева: документальная повесть / ред. И. Красногорская. — Рязань: Издатель Ситников, 2009. — 152 с.: ил.

ISBN 978-5-902420-30-9

Эта повесть о человеке чрезвычайно сильным духом. Оказавшись в юности на фронте Великой Отечественной войны, он героически сражался с врагом. Но не меньший, пожалуй, даже больший героизм Николай Чадаев проявил в мирное время, когда преодолевал недуг, вызванный тяжёлым ранением, и преодолел – смог создать себе полноценную жизнь, какой удаётся прожить далеко не каждому здоровому мужчине. Судьба Николая Чадаева – пример безграничности человеческих возможностей, которые реализуются, однако, только людьми волевыми и целеустремлёнными.

ББК 84

ISBN 978-5-902420-30-9

© Издатель Ситников, 2009

© Говоров А.Ф., текст, 2009

© Ситников К.Н., оформление, 2009

Вступление

С Николаем Кузьмичом Чадаевым меня свела служба. Он тогда возглавлял Рязанский центр научно-технической информации, известный многим по аббревиатуре ЦНТИ, а я был заведующим промышленно-транспортным отделом горкома партии. Партийные работники постоянно обращались к помощи сотрудников ЦНТИ, когда готовили какой-либо пленум, конференцию или семинар по вопросам технического прогресса, механизации процессов, качества продукции. Те, проявляя осведомлённость, готовили исходные материалы, выставки или стенды. В ЦНТИ я и познакомился с Н.К. Чадаевым. Он запомнился мне своей неторопливостью, основательностью и лёгкой ироничной улыбкой, неизменной коричневой папкой под мышкой – обязательной принадлежностью почти каждого чиновника того времени.

Условия работы сотрудников центра не выдерживали никакой критики, они располагались в разных местах, в основном, в полуподвальных помещениях жилых домов. Чадаев мучительно искал выход из положения. Однажды в обкоме партии он поделился своей задумкой о строительстве нового здания ЦНТИ. Такое благое намерение тогда могло только вызвать сочувствующую улыбку – не более. Дело в том, что вышло постановление правительства о запрещении строительства административных зданий. Чадаева это не остановило: во-первых, в правилах и постановлениях случаются исключения, во-вторых, доказывал он, ЦНТИ – не чиновничья контора, а потому не подпадает под ограничения, указанные в постановлении правительства.

Начались его хождения по мукам. Полулегально изготовил проект здания, но дальше дело не шло, пока он не добился поддержки первого секретаря обкома партии Н.С. Приезжева.

Стройка длилась пять лет. Как-то мы с Николаем Кузьмичом ходили по этажам почти готового добротного, красивого пятиэтажного здания (тогда я уже был секретарём горкома). Шли отделочные работы. Зная, какие невероятные усилия приложил Чадаев, чтобы осуществилось строительство, я полушутя сказал:

– Николай Кузьмич, будь моя воля, я бы здесь поставил вам памятник.

Мне показалось, что моё замечание он пропустил мимо...

Шли годы, здание ЦНТИ исправно несло службу: в нём проходили конференции, семинары, совещания, выставки. Чадаев поставил дела в своём учреждении на такую хорошую основу, что стал активно заниматься общественной работой. Мы с ним в одно время были депутатами областного и городского Советов депутатов трудящихся – так в то время назывались местные органы представительной власти. В 1987 году Чадаев ушёл на пенсию и отошёл от активных общественных дел.

Прошло два десятилетия, я уже тоже находился в отставке. Занялся литературной деятельностью, выпустил несколько книг, стал членом Союза российских писателей. И однажды совершенно случайно встретился с Чадаевым. Он внешне мало изменился. Разговорились. Он поведал о своей жизни. Я прежде о ней ничего не знал – просто не заходила речь: все наши разговоры касались строительных дел.

Меня заинтересовало, как он жил во время Великой Отечественной войны. Оказалось, Николай Кузьмич её участник, инвалид второй группы, был ранен

в висок, имел боевые ордена и медали: орден Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, медаль «За боевые заслуги» и другие. Представлялся к званию Героя Советского Союза. Но не получил его, хотя можно с полным основанием утверждать – заслужил. И всё это в течение одного года, в возрасте от 17 с половиной до 18 с половиной лет.

Однажды я услышал по телевидению: такую-то передачу смотреть детям до 18 лет не рекомендуется. Дети, выходит, понятие относительное. Одни люди всю жизнь проживают в детском возрасте, других, вроде Чадаева, эта самая жизнь лишает детства, сполна отваливая мучений.

Во время нашей беседы Николай Кузьмич сказал:

– А я ведь, Анатолий Фёдорович, не забыл, что вы хотели поставить мне памятник в здании ЦНТИ...

– Ну, положим, ваше изображение в бронзе я ни тогда, ни тем более теперь не смог бы исполнить. А вот насчёт нерукотворного памятника стоит подумать. Мне ваша жизнь показалась богатой событиями, трудной и интересной. В юношеском возрасте получить смертельное ранение – и выжить даже на удивление медикам, не сломаться во время ранней инвалидности, бороться за полноценную жизнь, создать семью, в течение нескольких десятилетий плодотворно трудиться на благо Отечества – такое далеко не каждому по силам. Я постараюсь сделать вас героем книги. И назову её «Война и мир Николая Чадаева».

Потом мы встречались на городской квартире Николая Кузьмича. Он познакомил меня со своей супругой Надеждой Ивановной, которая много десятилетий разделяет с ним радости и огорчения. Побывал я и у них на даче, созданной Николаем Кузьмичом своими руками с помощью сыновей и внуков (у него три сына и семь внуков). Любовался их ухоженным садом с фруктовыми и ягодными деревьями и кустарниками,

грядками с овощами. Предметом особой гордости хозяина были два улья. Пчеловодство – это у него наследственное. За счёт мёда, считает Николай Кузьмич, выжила их большая семья в годы войны – семеро братьев и сестёр, где он был старшим. Отведал и я этого удивительного мёда. И, конечно, во время наших встреч Николай Кузьмич щедро и откровенно делился со мной воспоминаниями.

Вот так и составила́сь книга – по воспоминаниям и документам Николая Кузьмича. Вошли в неё и стихи военных лет, любезно предоставленные ровесником героя, тоже участником войны, известным рязанским поэтом, членом Союза писателей России Борисом Ивановичем Жаворонковым

И для меня война – не только великая, горестная и героическая веха в истории нашей страны. Я отношусь к тому поколению россиян, чьё детство пришлось на годы войны. А главное – участниками войны были мой отец Фёдор Леонтьевич Говоров и брат Алексей, ставший бойцом примерно в возрасте Николая Чадаева. Отец с войны не вернулся: погиб на Ленинградском фронте в 1942 году. Их памяти и посвящаю эту книгу.

А. Говоров

Автор выражает глубокую признательность
В.Д. Трушкину, Л.Р. Шаипову, Ю.М. Костюшину,
Л.В. Коломийцевой, А.А. Стикину
за помощь в издании книги.

Родные места. Детство. Юность

*Хвороста завалы. Березняк грибной.
И подковой алой месяц над рекой.
Мостик. Деревушка. Крынки на плетне.
На краю избушка. Лампа на окне.*

Посёлок Приволье Щёкинского района Тульской области. Само название посёлка говорит о русских раздольях, о благодатной природе и примечательных местах. Здесь в посёлке в крестьянском доме 27 ноября 1925 года родился Николай Кузьмич Чадаев, на всю жизнь сохранивший трогательную любовь к своим истокам, к трудолюбивой семье. Память его, словно чёткая фотография, сохранила утреннюю переключку петухов, весёлые дымы из печных труб. В нескольких сотнях метров от дома протекала полноводная река Солова. Вместе с друзьями ранней весной он наблюдал разливы с шуршащими от столкновения льдинами, беспечно убежал из дома летними днями: ребята купались, ловили рыбу и раков, устраивали игры. Пойма реки с богатыми заливными лугами заполняла пространство между железной и шоссейной дорогой южного направления и простиралась на несколько километров. Солова пересекала обе дороги под мостами, перекинутыми через неё.

Здесь формировался особый мир, жизненный уклад: неповторимость русской природы, характер, трудолюбие. Здесь у мальчика закладывались основы патриотизма, что не будет пустым пафосным словом, ибо всю жизнь, в любых ситуациях и обстоятельствах мерил поступков Николая Кузьмича станут детские годы, любовь к родным местам, к большой Родине.

О предках он знал мало. Было известно, что бабушка по отцовской линии родилась ещё при крепостном праве. Не умела ни читать, ни писать. Но счёт деньгам вела хорошо. О деде знал только, что тот в 1900 году поехал в лес за дровами, простудился и умер. Чуть больше сведений было о дедушке по материнской линии. Он родился в селе Крутое Плавского уезда Тульской губернии, где и проживал. Умел читать и писать. Был высокого роста и обладал большой силой. У деда в хозяйстве имелась кобылка, которую он очень берёг. Когда она с возом не могла одолеть крутой подъём, дед выпрягал её, вытаскивал воз наверх и только тогда снова впрягал кобылку. До Октябрьской революции 1917 года дед имел в Питере скобяную лавку, продавал лёгкие металлические бытовые изделия. В революционные дни едва унёс ноги. В питерской квартире остался жить его сын Андрей, который впоследствии, в дни блокады Ленинграда, находился в ополчении на Пулковских высотах, там и погиб.

Родители Николая Кузьмича – Кузьма Дмитриевич и Анна Ивановна – прошли трудную жизнь. Кузьма Дмитриевич родился в 1895 году, с пяти лет остался без отца, в 12 лет начал работать на строительстве Горбачёвского железнодорожного узла, имел пять классов образования, окончил Селивановское духовное училище. В 1919 году он занялся разведением пчёл, это занятие стало делом всей его жизни.

Анна Ивановна 1902 года рождения в девять лет тоже осиротела – лишилась материнской ласки, окончила два класса церковно-приходской школы. В 1924 году вышла замуж за Кузьму Дмитриевича. В их семье было семеро детей: Николай, Ольга, Михаил, Мария, Саша, Нина, Владимир. Их надо было кормить, одевать-обувать, содержать, учить, воспитывать. По-разному сложились судьбы братьев и сестёр Чадаевых, но об этом будет сказано позже.

Николай в этой большой семье был старшим. Помнит, как появилась и росла сестра Ольга, как он катал её в коляске. Многое помнится из раннего детства: как мать не хотела брать его на дойку коровы Красавки, которая паслась в деревенском стаде в полукилометре от дома; как укусила его их лошадь Отрада, как ходил на рыбалку с отцом, который ловил рыбёшку у мельницы в водовороте. Восторг у мальчика вызвал первый пойманный рак, он очень удивился невиданному ранее существу. Впрочем, его тогда многое удивляло, всё вызывало восторг: маленький человек постигал жизнь...

Отчий дом состоял из двух половин, условно названных горницами и кухней. В обеих половинах стояли печи, в углах размещались божницы с иконами и лампадами, в горнице было особенно чисто, уютно и прохладно, на подоконниках стояли цветы. На лето вторые рамы выставлялись, отчего становилось светлее и просторнее. Его босоное детство было нелёгким, но весёлым и счастливым. Семья жила небогато, но дружно, семеро детей – мал мала меньше, как говорили тогда. Мать была награждена орденом «Материнская слава».

Коля был уже вполне смышлёным, когда в посёлке создавался колхоз «Наша победа» и помнил, как уводили со двора их кусачую, но любимую лошадку Отраду. Потом он постоянно ходил к колхозной конюшне, подкармливал её хлебными корками. Она по-прежнему была резвой, принесла колхозу семерых жеребят, некоторые из них выросши использовались в Красной Армии. Колхоз создавался на землях помещика Далева-новского, который во время революции бежал с семьёй за границу. Его поместье – роскошный двухэтажный дом с колоннами – было разграблено и разрушено. Так крестьяне выразили свою ненависть к барину, который долгие годы процветал за счёт их труда. Прозрение

пришло потом: зря разрушали дом, он вполне мог пригодиться для школы, клуба с библиотекой, детского сада, в чём они испытывали большую нужду, там могла разместиться администрация. Колхозу досталось около 1000 гектаров помещичьей чернозёмной пашни, на которой рожь и пшеница давали урожай 45–55 центнеров с гектара. Очень кстати оказались многие барские кирпичные строения, крытые железом: два флигеля, исполненные в готическом стиле, в которых у помещика проживала прислуга, скотные дворы, амбары и риги. В одном из флигелей разместилось правление колхоза. Вся барская усадьба была усажена липами, клёнами, ясенями, около 15 гектаров занимал сад, похожий на райский угол. Теперь в саду размещалась колхозная пасека, где отец Коли работал пчеловодом. Мальчик часто приходил к нему, оказывал посильную помощь, ему нравилось жужжание пчёл и их кропотливая работа в дни короткого цветения яблонь.

Восьми лет от роду Коля пошёл в первый класс начальной школы посёлка Приволье, во втором классе учился вместе с сестрой Ольгой в Выглядовской неполной средней школе, был отличником. Учиться иначе просто не мог, ибо понимал: при всех трудностях многодетной семьи родители стараются накормить детей, обуить-одеть, дать образование.

В начале тридцатых годов была введена трудовая повинность. Это означало, что каждая сельская семья должна была отработать безвозмездно на разных участках определённое время. В обязанность матери входило ночное дежурство в сельском Совете у телефона. Уставшая за день, она старалась уснуть – назавтра предстоял снова трудный день, а Колю оставляла у телефона. Он должен был в случае звонка разбудить мать. Телефон был непростой, чтобы им пользоваться, нужно было крутить ручку. Но во время его дежурства никто не звонил, утром мать сдавала

дежурство, и они вместе шли домой. И Коля гордился тем, что становится помощником родителей.

Он слыл активным учеником, был октябрёнком, пионером. Занимался спортом, сдавал все нормы ГТО и ОСОАВИАХИМа, ловко крутился на турнике, имел первый юношеский разряд по борьбе. С двенадцатилетнего возраста в дни летних каникул работал в колхозе. Любил лошадей, уверенно ездил верхом, умел запрячь и распрячь. В девять-десять лет пристрастился с деревенскими ребятами, которые были на два - четыре года старше его, водить лошадей в ночное. За каждым подростком было закреплено по три лошади, ежедневно поздно вечером выезжали в поле на пары, где всю ночь паслись лошади, набираясь сил для следующего лошадиного рабочего дня. И так каждый день. Ребятам нравилось в ночном, былолюдно и весело, устраивались разные незамысловатые игры. При этом каждому начислялись трудодни - по пять соток за лошадь. Всё-таки приработок. Родители отпускали его в ночное с опаской, с отговорками и строгими наказаниями, поддерживала лишь бабушка Анна Павловна - мать отца, которая говорила, что всю жизнь дети ездили в ночное и бояться нечего. А если что случится, то неизвестно где, кому как на роду написано.

Отец в страдную весеннюю и осеннюю пору, как и большинство деревенских мужиков, пахал землю на лошадях. Коля обычно носил ему в поле приготовленный матерью завтрак. Пока отец ел и отдыхал, он брался за ручки плуга и учился пахать. Непростая это работа - пахота. Как говорили бывалые пахари, на пашне ребро за ребро заходит. Отец поглядывал за ним, одобрял стремление сына овладеть искусством пахоты, давал советы, как настраивать и регулировать плуг по глубине и ширине.

С третьего по восьмой классы Коля Чадаев учился в Карамышевской средней школе. Учёба давалась

легко, успеваемость у него была хорошая, хотя он не отличался особым старанием. Однако не было случая, чтобы пришёл в школу, не выполнив домашнего задания. А задания по любимым предметам – русскому языку и математике – успевал готовить заранее, во время уроков и перемен. Меньше любил историю и литературу, но и по этим предметам готовился к урокам достаточно добросовестно. Был в меру дисциплинирован. И тем не менее в шестом классе его дважды исключали из школы.

Первый раз это происходило так. Директором школы недавно был назначен некто Юсов. Кто он такой, откуда его прислали – никто в деревне не ведал. Знали только о его грубости, которая нередко переходила в самодурство. Выполняя установки администрации района и считая это своим основным долгом, он был главным инициатором того, чтобы закрыли в 1938 году церковь, сняли колокола, а потом и обрушили колокольню. Вокруг церкви стояла добротная кирпично-металлическая ограда. Чем-то она мешала директору, видимо, как часть церковного комплекса, который подлежал уничтожению, поэтому школьники направлялись её разбирать.

В тот день с оградой занимался шестой класс. Церковь находилась в 150–200 метрах от Колиного дома. Вместе с друзьями он постоянно крутился вокруг церкви и знал каждую щель, через которую можно было проникнуть внутрь. Вдвоём с товарищем пролезли в одну из них и несколько оробели: внутри церковь оказалась в хорошем состоянии, её не успели разграбить. На стенах висели иконы, со сводчатого потолка строго и укоризненно смотрели на притихших ребяташек лики святых. Оставаться в церкви надолго было боязно, и ребята подались наружу. Коля вылезал последним, его заметил неизвестно откуда взявшийся директор школы. Он непонятно почему рассвирепел. Сам

же разваливал церковь, а тут вдруг стал ретиво охранять её ценности. В присутствии классного руководителя Анны Григорьевны Титаевой директор неожиданно заявил, что Чадаев исключён из школы.

Три дня Коля не ходил в школу, родители его ругали, настроение у всех домочадцев испортилось. Вскоре мать повела его в школу, классный руководитель Титаева разрешила посещать занятия. Видимо, у той состоялся предварительный разговор с директором. Проступок-то по тем временам был не велик.

В другой раз его исключили при следующих обстоятельствах. Однажды девчонки прослышали, что у классного руководителя Анны Григорьевны день рождения. Кто-то из ребят то ли в шутку, то ли в качестве подарка положил на чернильницу-непроливайку, стоявшую на её столе, баранку – уж что под рукой оказалось. Когда после перемены Титаева вошла в класс, села на свой стул и увидела баранку, она на мгновение задумалась, не зная, как отреагировать на выходку.

– Кто это сделал? – по-учительски строго спросила она, оглядывая ребят. Притихший класс молчал, шутка зашла слишком далеко. Титаева встала и вышла из класса. Через несколько минут она вошла вместе всё с тем же директором школы Юсовым.

– Кто положил баранку? – высоким тоном, не предвещавшим ничего хорошего, спросил директор. Все молчали.

– Я из вас котлет нарублю, если не скажите! – уже кричал он. – Кто дежурный?

Дежурил в этот день Коля Чадаев. Ему последовал тот же вопрос:

– Кто это сделал?

– Я не видел, – робко ответил Коля, памятуя о своём недавнем исключении.

– Не знаешь? Я тебя исключаю из школы! Вон из класса!

Коля собрал книги и тетрадки, сложил в портфель и вышел из класса. Родителей известие о его втором исключении, конечно, огорчило. Но мать поговорила с Титаевой, и Коля снова был водворён в свой класс.

В деревне ребята созревают быстрее, жизнь заставляет их с детства приобщаться к нелёгкому крестьянскому труду. В свои 12 лет Коля стал заправским пахарем и в дни летних школьных каникул работал в поле. Приходилось нелегко. Однако плывущие сквозь лучи палящего солнца перистые облака, пение жаворонка, цветение разнотравья давали ощущение радости и праздничности, особенно если в напарники попался человек хорошей души, как, например, Василий Козловский, у которого можно было почерпнуть крестьянской мудрости. Коле иногда казалось, что за сохой и плугом он прошёл не меньше четверти экватора, во всяком случае, очень много.

До самой войны дела в колхозе «Наша победа» шли хорошо, в Щёкинском районе колхоз числился в передовых. Людей было много, работали дружно, жили в достатке. Коля помнил, что в закромах родителей всегда были пшеница и рожь, во дворе стояла корова, пара овец с ягнятами, поросята, куры. На 30 сотках земли росли овощи, картофель, фруктовые деревья и ягодные кусты. Отец занимался пчеловодством, содержал 8–10 ульев, так что семья круглый год была с мёдом. Словом, кто не ленился, в селе жили неплохо. Тунеядцем считали одного Васяру Воробьёва по прозвищу Керенский. Происхождения его клички никто толком не знал. Его старались обходить стороной, побаивались, при нём не распускали языков. Поговаривали, что он был тайным доносчиком. Керенский не работал в колхозе и всё ему сходило с рук, днём и ночью не слезал с печи, оброс волосами. Во всех делах за него «отдувалась» жена.

Другие селяне трудились весело и никогда не роптали. Особенно празднично проходил сенокос. Посёлок Приволье располагался в живописной местности, рядом с ним протекала река Солова. Её просторные заливные поймы изобиловали богатыми травами. На сенокос выходило почти всё взрослое население, было много молодёжи. Если погода ладилась, нужно было в считанные дни «выхватить» – скосить, высушить и заскирдовать сено. Тогда можно считать зимовку скота обеспеченной кормами. Работа сопровождалась взрывами смеха, песнями. В селе знали голосистых мужиков и женщин, они обычно запевали, другие подхватывали. С песней и работа спорилась. Как по мановению волшебной палочки, пойма покрывалась скирдами и копнами.

Управившись с сеном, принимались за уборку хлебов. На чернозёме пшеница и рожь, гречка и просо обычно давали отменные урожаи. Мужики работали на косилках, косили косами-крюками, женщины увязывали снопы, укладывали крестом в копны. Затем всё свозилось на колхозный зерноток, где орудовала ненасытная молотилка. Очищенное и высушенное зерно везли на заготовительные пункты для сдачи государству в счёт обязательных плановых поставок. Часть хлебного урожая закладывалась в закрома на семена будущего урожая, часть на корм скоту и на другие колхозные нужды.

Географическое положение посёлка Приволье было удобным: с одной стороны в двух километрах проходила шоссейная дорога Москва – Харьков, с другой – железная дорога того же направления. Словом, живи да радуйся. Но радовались недолго.

Началась Великая Отечественная война. К тому времени Коле Чадаеву было немногим более пятнадцати лет. Он окончил восемь классов, перешёл в

девятый. О войне он узнал 22 июня 1941 года – по радио передали выступление Молотова. От этого известия как-то непривычно защемило в груди, он почувствовал едва уловимый страх и личную угрозу, чего не было во время войны с Финляндией. В посёлке стихли смех и песни, ребятня прекратила шумные игры, все почувствовали опасность. Правда, у людей была твёрдая уверенность, что враг будет разгромлен. Бытовал патриотический песенный девиз: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Однако девиз не оправдался, враг начал теснить Красную Армию, оккупировал многие города и сёла, рвался к Москве. Коллективы всех предприятий, колхозов и совхозов были повёрнуты лицом к фронту под призывом: «Всё для фронта, всё для победы!»

Коля вместе с такими же ребятами из района был направлен на рытьё окопов под город Ржев Калининской области. Для него осталось на всю жизнь загадкой, кем он был мобилизован, согласно каким документам, почему щуплого подростка направили так далеко, ведь окопы в то время рыли и под Тулой? Видимо, из-за неразберихи и паники первых военных месяцев. Спрашивать же, справляться по правилам того времени было не принято. Он помнил горькие слёзы матери, которая провожала его до районного центра Щёкино, сам прослезился, скрывая свои чувства от окружающих. Их везли в товарных, «телячьих» вагонах медленно, со многими остановками.

Под Ржевом копали противотанковые рвы четырёхметровой глубины. Конечно, Коле, невысокому подростку, было очень трудно бросать землю на такую высоту. Работа держалась на мускулах более крепких парней и женщин. Его от неё освободили и поручили подносить инструменты, лопаты, котелки с обедами. Нередко в небе появлялись «мессершмиты» и поливали беззащитных людей пулемётными

очередями. Те залегали, зарывались в землю. «Страх настолько сковывал, что трудно было ощущать себя человеком», – вспоминает Николай Кузьмич. Немцы быстро приближались к Москве.

Вскоре Николая освободили от трудовой повинности, он добирался до дома, как мог, с большими трудностями.

Браг на родной земле

*Своих сынов зовёт на битву Родина.
Они идут. Их путь суров и крут.
Идут в огонь. Идут стальными ротами.
Идут вперёд. В бессмертие идут...*

Уже осенью 1941 года родные места Николая оккупировали немцы. Перед окнами родительского дома три дня громыхали танки армии немецкого генерала Гудериана, шли в сторону их областного центра города Тулы. Это была такая броневая мощь, что, казалось, остановить её, сломать нельзя. Трудно было представить, что до войны мастер танковых атак Хайнц Гудериан совершенствовал свои познания в Казанском танковом училище, немецко-фашистский министр военной авиации Герман Геринг проходил подготовку в Липецкой школе лётчиков, а его родственники жили на Рязанской земле.

Больше месяца продолжалась оккупация Карамышева. Тульская земля выдерживала натиск превосходящих сил противника. Танки Гудериана пытались с ходу захватить город оружейников Тулу, авиация противника активно «утюжила» подступы к городу, другие подмосковные населённые пункты. Начиная с сентября 1941 года над Тулой и её окрестностями стояло зарево от лучей прожекторов и разрывов зенитных снарядов. Фашисты ежедневно бомбили станцию Житово Московско-Курской железной дороги, что в трёх-четырёх километрах от Колиного дома. От близких взрывов распахивались двери, выбивались оконные стёкла, жителям дома закладывали уши.